

В.В. СОГРИН

РОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРИИ: 1898–1918. ПРИЧИНЫ, ЦЕЛИ, МЕТОДЫ

Цель данной статьи – анализ с современных исследовательских позиций узловых проблем становления североамериканской империи. Этот период автор, как и многие историки, признающие США империей, относит к 1898–1918 гг.

Зададимся вначале принципиальным вопросом: а можно ли именовать Соединенные Штаты империей? В этом вопросе согласие между исследователями, как отечественными, так и зарубежными, отсутствует. Причина в существенной мере заключена в различии трактовок понятия “империя”.

Для данной статьи первостепенное значение имеют современные трактовки понятия. Приведем определения, которые не дают возможности назвать США империей. Российский экономист Е.Г. Ясин пишет: “Империя – это государство, в котором один народ (государствообразующий) устанавливает господство или доминирование над другим или другими народами, обычно с присоединением территории их расселения, и удерживает их под своей властью силой или угрозой силы”¹. США под такое определение не подходят. Многие современные исследователи, в отличие от Е.Г. Ясина, полагают, что “государствообразующего народа” в империях вообще нет, поскольку, как пишет американский историк и этнолог Р. Суни, “право на власть в империи исходит от господствующего института, а не от согласия управляемых”². Следуя данному определению, США также нельзя назвать империей. Большинство американских авторов разделяют именно то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. “Отождествлять Соединенные Штаты с имперской властью, как это делали историки-ревизионисты, – высказывает мнение большинства А. Перлмуттер, – ошибочно. Америка утверждала свое влияние с помощью современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели с помощью господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем”³. Американский леворадикальный политолог М. Паренти констатирует ситуацию в США: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам “империализм” не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами»⁴.

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ Ясин Е.Г. Фантомные боли ушедшей империи. – После империи. М., 2007, с. 7.

² Суни Р. Империя как она есть: имперский период в истории России. – Национальная идентичность и теория империи. М., 2007, с. 39–40.

³ *Perlmutter A. Making the World Safe for Democracy: A Century of Willsonianism and Its Totalitarian Challengers.* Chapel Hill, 1997, p. X–XI.

⁴ *Паренти М. Власть над миром. Истинные цели американского империализма.* М., 2006, с. 13.

Из приведенного выше суждения Перлмуттера всё же явствует, что в Америке есть исследователи, которые считают свою страну империей. Принадлежащие к ним историки внешней политики США известны как *ревизионисты*. Они заявили о себе во весь голос еще в 1960-е годы, а впоследствии некоторые занимали профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники⁵, которые свободно изучались поколениями студентов. При этом среди ревизионистов есть те, кто считает американскую внешнюю политику имперской изначально, приводя в качестве примеров экспроприацию территорий у индейских племен, присоединение к США Луизианы и Флориды (принадлежали до того Франции и Испании), отторжение у Мексики в 1846–1848 гг. Техаса, Нью-Мехико и Калифорнии. Эта *континентальная* империя стала *колониальной*, когда у Испании на рубеже XIX–XX вв. были отняты Пуэрто-Рико и Филиппины, а также аннексировано королевство Гавайи. Но большинство ревизионистов делает особый акцент на нетрадиционном характере американской империи, означавшем фактически утверждение экономического и политического преобладания в той или иной стране или группе стран без прямого захвата территории и непосредственного политического управления.

Эта нетрадиционная форма империализма выкристаллизовалась на рубеже XIX–XX вв., когда США, наконец-то, поднялись до статуса великой державы и попытались потеснить старые великие державы в их сферах влияния не с помощью военной силы (ее тогда у Соединенных Штатов хватало только для побед над Испанией, которая уже давно перестала быть великой державой), а иными способами. Одним из главных среди них оказался экономический либерализм, бывший издавна важнейшей американской цивилизационной ценностью, которую США предложили миру в качестве ценности универсальной. Их девизом было утверждение в мире свободы рынков, или “открытых дверей”, как тогда говорили американские политики и дипломаты. Ведущий американский историк-ревизионист В.Э. Вильямс целенаправленно и глубоко обосновывал идею, согласно которой за либеральной доктриной скрывались мощь и амбиции американских корпораций⁶. Так на рубеже XIX–XX вв. США стали превращаться в империю, но не традиционного типа, к каковому относились, например, Британская, Французская или Османская империи.

Не искажает ли нетрадиционный характер американской империи семантической и исторической “чистоты” этого понятия? На мой взгляд, нет, поскольку *империя* и в своей родовой – древнеримской – период приобретала разные смыслы, в том числе такой, который по признакам близок к американской империи XX–XXI вв. Как пишет известный современный исследователь Рах Романа, “его нельзя рассматривать только как жажду приобретения новых территорий и новых богатств”. Римская империя превращалась в многозначное и противоречивое явление, при этом на первый план всё более явственно выходило «ее главное стремление – перестать быть государством со строгими границами и превратить свои владения в “мир”, в расширяющуюся сферу политической и цивилизационной экспансии»⁷.

Представляется, что многозначность и противоречивость древнеримской империи имеет немало сходства с неоднозначностью и противоречивостью американской империи. У Рах Романа и Рах Americana есть не только серьезные отличия (основное – невключение американской империей экономических, политических и культурно-цивилизационных территорий своего влияния в собственную государственность),

⁵ Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J. Creation of the American Empire: US. Diplomatic History. Chicago, 1973; LaFeber W. The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York – London, 1994.

⁶ Williams W.A. America and the Middle East. Open Door Imperialism or Enlightened Leadership? New York, 1958; *idem*. The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959; *idem*. The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of a Social Consciousness in a Marketing Society. New York, 1969.

⁷ Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима. – Вестник МГИМО, 2008, № 2, с. 5, 10.

но и принципиальное сущностное сходство. У Америки то же главное стремление, что и у Римской империи, – создать “мир” своего экономического, политического и культурно-цивилизационного влияния и господства. И в этом главном стремлении она превзошла не только Древний Рим, но и все иные империи прошлого.

Отношение американцев к понятию “империя” в разные периоды было неодинаковым, то положительным, то отрицательным. В период образования США у американцев не было того негативного отношения к понятию *империя*, которое возникло позднее. Американские отцы-основатели мечтали, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличающейся от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе идей Просвещения, мечтал о создании и распространении его родиной “империи разума” – особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Вольтера, Монтескье и Руссо. Вплоть до начала XX в. понятие “империя” применительно к собственной стране воспринималось многими американцами в положительном джефферсоновском смысле⁸. А негативный смысл оно приобрело после Первой мировой войны, но особенно в период борьбы с германским “третьим рейхом”.

Казалось бы, признание либерально-демократических Соединенных Штатов империей останется уделом узкой группы историков-ревизионистов и политических “меньшинств” типа “новых левых”, “зеленых”, “анти” и “альтер глобалистов”. Так оно и было до последнего десятилетия XX в. Но после краха СССР и окончания “холодной войны” ситуация изменилась. Вышедшие на рубеже XX–XXI вв. на ведущую идеологическую и политическую позицию американские неоконсерваторы объявили, что Соединенные Штаты являются не только *единственной сверхдержавой*, но и *империей*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум – *Rex Americana*, в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии⁹. Не будем отказывать Америке в праве именоваться империей и мы. Но наше отношение к этому ее статусу принципиально отлично.

Среди главных первоисточников американской империи представляется возможным назвать органический мессианизм американцев, архетип которого заметен уже в самооценках и мышлении отцов-пилигримов первой половины XVII в.¹⁰ В качестве архетипа имперского мессианизма выступило убеждение переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского “Града на холме”. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о “новой империи”, отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. Эта концепция была воспринята отцами-основателями, включая Дж. Вашингтона. Уверовав в исключительность своей страны и ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали акцент на том, что Америка являет собою образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

Ситуация меняется в следующем столетии. Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на североамери-

⁸ При этом новая империя Соединенных Штатов неизменно противопоставлялась, как это делал в 1902 г. Брукс Адамс, прежним недемократическим империям. См. *Adams B. The New Empire. New York, 1902.*

⁹ Об этом см.: *Bacevich A. American Empire. Cambridge (Mass.), 2002, p. 2–5; Abbot P. Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005, p. 335–336; The Paradox of a Global USA. Stanford (CA), 2007, p. 25; Pearson M.L. Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008, p. 3; Баталов Э.А. Америка: страсти по империи. – Свободная мысль – XXI, 2003, № 12; его же. Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005, с. 320–348; Рахшмир П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007.*

¹⁰ Президент США Б. Обама отмечал: “У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому”. См. *Обама Б. Дерзость мечты. СПб., 2008, с. 313.*

канском континенте, при этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров – главную опору демократической республики. То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. Так сплавились идеи демократии и экспансии, заключающей в себе имперский ген. В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже весь Новый Свет (т.е. включая и Южную Америку) определялся как избранный для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединенные Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. В 1845 г. во время войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – “предопределения судьбы” (Manifest Destiny). Высказанная одним из духовных лидеров Демократической партии Дж. О’Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она объявляла излишними традиционно правовые дискуссии об экспансионистских устремлениях США на американском континенте: “Эти претензии основываются на праве, вытекающем из того, что нам предопределено судьбой распространить свое владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление”¹¹.

Иначе говоря, еще до того, как США “созрели” для соперничества с великими европейскими державами экономически, политически и в военном отношении, имперский мессианизм прочно вошел в мировидение элиты и массовое сознание. Были сцементированы идеи демократии, экспансии и империи, поскольку притязания США на новые территории и сферы влияния оправдывались высокой миссией обустройства других территорий и государств по демократическому образцу. Демократия и империя оказались вполне совместимы. В их совмещении Соединенным Штатам принадлежало мировое первенство. США суждено было стать и до наших дней оставаться первой и единственной в мировой истории *либерально-демократической империей*. Эта идеология – демократический имперский мессианизм – настолько прочно вошла в сознание как политической элиты, так и масс, что превратилась в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убежден, что обозначенный социокультурный фактор с XIX в. и до наших дней выступал в качестве непреходящего и мощного фактора становления и развития американской империи.

В XIX в. территориальная и экономическая экспансия Соединенных Штатов ограничивалась американским континентом, по этой причине некоторые историки-ревизионисты США поименовали свою страну той эпохи “континентальной империей”. С конца века она претерпевает качественные изменения. В основе изменений лежал выход США на ведущую экономическую позицию в мире. В 1880-е годы они прочно вышли на первое место в мире по объему производства, оттеснив с ведущей позиции “мировую мастерскую” Великобританию, а в начале 1890-х годов заняли второе место по экспорту, пока еще уступая Лондону. В отличие от других стран, в США корпорации достигли господства в экономике. Некоторые из них претендовали на экономическую монополию не только в США, но и в мире. “Стандард Ойл” к концу века контролировал 90% американского нефтяного рынка и 70% мирового. Некоторое время на мировом рынке с американской корпорацией успешно соперничала русская нефтяная отрасль, но на рубеже веков “гений предпринимательства” Дж. Рокфеллер решительно отбросил русского конкурента далеко назад.

Осмысливая эти результаты, ведущий современный американский международник Г. Киссинджер (совсем не марксист!) дал формулировку их следствия, звучащую напо-

¹¹ Цит. по: Weinberg A.K. Manifest Destiny. Baltimore, 1935, p. 145.

добие историко-материалистического закона: “Не было еще нации, которая с подобным приращением могущества не попыталась бы приобрести и мировое влияние”¹².

В конце XIX в. американцы также не чурались провозглашения исторических закономерностей. Э. Карнеги открыл “Закон увеличения стоимости” (Law of Surplus), одно из положений которого гласило, что внутренний рынок не в состоянии более поглощать добавленную стоимость отечественной промышленности, и она может реализовывать свою нарастающую мощь только за счет внешних рынков. К формулированию подобного рода закономерностей американских предпринимателей особенно подтолкнули экономические кризисы 1873–1877 и 1893–1897 гг. Последний породил в предпринимательском классе панику и консенсус в определении его закономерной причины – “Перепроизводство!”¹³ Открытый экономический закон подтолкнул ведущие ассоциации американского бизнеса требовать от государства включить в свои главные внешнеполитические задачи утверждение контроля на мировых рынках, соответствующего американской экономической мощи. Лоббистскую деятельность развернула даже Американская Азиатская ассоциация, потребовавшая самой активной защиты экономических интересов США в Китае, экспорт в который составлял менее 1% от общенационального. Государству предписывалось вступить в противоборство с Германией, Японией, Россией, другими влиятельными державами, казались бы, не оставлявшими американцам никаких шансов в Китае и на его рынках¹⁴.

Кто был инициатором завоевания при помощи государства ведущих позиций на мировом рынке? Первый, приходящий в голову ответ: “Корпоративный капитал”, – при сопоставлении с фактами не столь очевиден. Ряд современных американских историков доказывают, что инициатива исходила от фермерства, сельскохозяйственных производителей. Сельское хозяйство страдало от “перепроизводства” с 1870-х годов, и эта болезнь превратилась за три десятилетия в хроническую. Фермеры и их партии, включая популистов, давали разное объяснение ее причин, в том числе указывали на гнет промышленных и особенно железнодорожных корпораций, а также подчеркивали “нечестную” финансовую и денежную политику правительства, приведшую к “нехватке” в обращении денежной массы и, как результат, падению покупательной способности горожан. Но всё чаще, а особенно активно с 1890-х годов фермеры, в первую очередь крупные сельхозпроизводители, настаивали на внешнеполитической экспансии как способе борьбы с “перепроизводством”¹⁵. Сельхозпродукции Соединенных Штатов нужны были новые рынки.

Аграрный сектор наиболее громко потребовал расширения внешних рынков в 1890-е годы, но именно в то десятилетие лидерство в отстаивании активной государственной внешней политики в интересах бизнеса перешло к промышленным корпорациям. В 1895 г. группа “капитанов индустрии” основала Национальную ассоциацию промышленников (НАП), целью которой было поощрять и лоббировать экспорт американской промышленной продукции. Затем были созданы Американская Азиатская ассоциация, Промышленная палата США, Американская ассоциация промышленников-экспортеров и ряд других, весомо усиливших требования НАП.

Казалось бы, при всех различиях сельскохозяйственных и промышленных производителей, идея мировой экономической и с неизбежностью политической и идеологической экспансии пестовалась в целом бизнесом. Но нет. Ее активно отстаивало большинство политиков, причем не только из двух главных партий, но и многие представители оппозиции. На ее стороне было большинство духовенства, журналистов, да и нации в целом. “Американский народ, – подытоживал американский историк, – проявил готовность к восприятию идеи внешних средств для разрешения внутренних трудностей”¹⁶.

¹² Kissindжер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 27.

¹³ Gardner L.C., LaFeber W.F., McCormick T.J. Op. cit., p. 216–217.

¹⁴ Schaller M. The United States and China. Into the Twenty First Century. New York, 2002, p. 17, 28.

¹⁵ Progressivism and the New Democracy. Amherst, 1999, p. 238, 239.

¹⁶ Dobson J.M. America's Ascent: the United States Becomes a Great Power, 1880–1914. De Calb, 1978, p. 89.

Экономический фактор оказался самым значимым в формировании экспансионистской политики США той эпохи. Вместе с тем конкретно исторический анализ рождения империи, совокупное рассмотрение источников обнаруживает, что среди мотивов американской нации, ее интеллектуальных и политических лидеров преобладали не материалистические, а идеальные мотивы, а главный среди них – распространение Америкой в мире передовой цивилизации, культуры и в первую очередь демократии и народного суверенитета. Рассматривая классическую дискуссию американских внешнеполитических историков – “Что двигало американской внешней политикой той эпохи – материализм или идеализм, что цементировало внешнеполитическую ментальность нации – экономический детерминизм или мессианская идеология?” – мы учитываем оба фактора. А устанавливая их соотношение в формировании реальной политики, обнаруживаем, что мессианской идеологии в рождении империи во многих отношениях принадлежала ведущая роль.

Идея распространения демократии в мире никогда прежде не была представлена так широко в американских масс-медиа, как и в национальном сознании. Экономические мотивы, как и политическая экспансия, несомненно, играли важную роль в экспансии. Обосновывалось же это демократической мессианской идеологией. Фундаментом имперской идеологии, разрабатывавшейся политической и интеллектуальной элитой, являлись три компонента – экономика, политика, демократический экспансионизм, которые чаще всего были представлены на равных. Сочинения и суждения элиты были мало известны широкой публике, но в политическом классе, ответственном за принятие конкретных решений, они были в высшей степени авторитетны. Не случайно все историки, изучавшие рождение американской империи, уделяли им самое пристальное влияние.

Признанных имперских идеологов и стратегов на рубеже веков было немало, но и не так много – не больше двух десятков. Это были люди оригинально мыслящие и влиятельные, по праву включаемые в число творцов империи. Они, безусловно, опирались на доктрины и стратегические разработки предшественников, модифицируя, приспосабливая их к запросам новой эпохи. Среди тех предшественников, которые не были названы ниже, заслуживают краткого рассмотрения как минимум двое, оказавших наибольшее влияние на преемников рубежа веков.

Первым был Уильям Г. Сьюард, государственный секретарь в правительствах А. Линкольна, Э. Джексона и У. Гранта. Сьюард принадлежал к фракции радикальных республиканцев, был жестким противником рабства, известным многим своим суждением 1859 г. о приближавшейся Гражданской войне как о “неотвратимом конфликте”. Во внутривнутриполитическом измерении он был, безусловно, как и А. Линкольн, либеральным демократом. Но во внешнеполитическом измерении, в отличие от всех трех президентов, которым служил и которые были поглощены конфликтом Севера и Юга, он оказался имперским экспансионистом. Сьюард не стеснялся слова “империя”, призывал Америку идти по пути “Древнего Рима”¹⁷. Сьюард первым выдвинул стратегию освоения в этих целях тихоокеанских магистралей. Сьюардом была инициирована покупка в 1867 г. у России за 7,2 млн. долл. Аляски, которую он рассматривал как важнейшую опору утверждения контроля над Тихим океаном и проникновения в Азию. Сьюард умело воздействовал дипломатическим путем на Россию. Но убедить американский политический класс в необходимости приобрести Аляску (в язвительно-пренебрежительной, но недальновидной оценке некоторых – «морозильник (“ice box”) Сьюарда») – прозорливому имперскому стратегу оказалось делом куда как более сложным. Это удалось сделать только при помощи щедрых взяток (в совокупности 73 тыс. долл.), врученных послом России в США американским законодателям.

Второй влиятельный предшественник экспансионистов рубежа XIX–XX в. – Джеймс Блейн (государственный секретарь в 1881 и 1889–1892 гг.). Он, как и Сьюард, также нацелился на распространение торгового и политического влияния США

¹⁷ The Works of William H. Seward, v. 3. Boston, 1853, p. 499.

за пределы североамериканского континента, исходя из того, что промышленное производство Соединенных Штатов “превосходит запросы внутреннего рынка”¹⁸. Но в отличие от Сьюарда он полагал, что магистральным направлением экспансии должна быть Латинская Америка. Стратегия Блейна стала известна как панамериканизм, а в его риторике подчеркивалась фундаментальная органичная общность интересов Северной и Южной Америки. Цементировать единство предполагалось с помощью панамериканских конференций.

Стратегии и аргументация Сьюарда и Блейна стали частью экспансионистских идеологем конца XIX – начала XX в. При этом оба направления экспансии – азиатское и латиноамериканское – были признаны магистральными. Аргументация в пользу экспансии была подкреплена новые положения. В их развитии участвовали уже не только политики, но также ученые – социологи, философы, историки¹⁹.

На рубеже веков в качестве страстных проповедников экспансии выступали и ведущие политики. Наиболее влиятельным ее апологетом был Теодор Рузвельт (президент США в 1901–1909 гг.). Активно отстаивал соответствующие идеи и Вудро Вильсон (президент США в 1913–1921 гг.), но пик его влияния был еще впереди.

Рузвельт и Вильсон традиционно выступают символами магистральных тенденций американской внешней политики 1900–1910-х годов. Они же рассматриваются в качестве отцов-основателей двух соперничающих школ и стратегий внешнеполитических целей и поведения. Рузвельт олицетворяет “реализм”, а Вильсон “идеализм”. Но при ближайшем рассмотрении внешнеполитической идеологии и практики двух влиятельных политиков обнаруживается, что непреодолимых противоречий между ними нет, а “реализм” и “идеализм” являются различными средствами достижения единой цели расширения американского внешнеполитического влияния. “Идеализм” и “реализм”, эти соперничающие стратегии, уступавшие друг другу лидерство в меняющихся исторических обстоятельствах, были, пусть и в разных пропорциях, присущи обоим политикам. Но верно и то, что Рузвельт полнокровно выпестовал реализм, а Вильсон – идеализм.

И Рузвельт, и Вильсон были твердыми приверженцами и выразителями американского мессианизма. Оба верили, что США, цивилизации исключительной, предопределено распространять демократию в мире. Оба не сомневались, что американская промышленность и сельское хозяйство могут успешно развиваться, только активно расширяя присутствие на мировых рынках. Это был постулат неразделимости экономической и политической экспансии. Также обязательной являлась экспансия идеологическая и культурная. Только гармоничное сочетание экономики, политики и идеологии могло обеспечить американское мировое лидерство.

Оба верили в разделение народов и рас на “высшие” и “низшие”. В избранный высший народ включали американцев и англичан, сменив в отношении Великобритании предшествующее враждебное отношение своей страны на дружбу, но теперь уже явно нацеливаясь на то, чтобы лишить ее старшинства в свою пользу. Учить “низшие” народы демократии было долгом обеих сестер. Одного примера было недостаточно. Обучать часто нужно было непосредственно, прибегая к разнообразным, в том числе жестким формам и способам государственно-политического контроля. И Рузвельт, и Вильсон верили в целительные свойства демократии американского образца: распространившись в мире, она станет главной гарантией вечного мира и дружбы народов.

Оба политика были убеждены, что американская гегемония должна выйти за континентальные рамки и за пределы западного полушария. В 1900 г. Вильсон, тогда еще профессор Принстонского университета, выразился определенно: “Мир превратился в единое целое; каждая его часть является соседом всех других. Никакая нация не может дольше отгораживаться от других... Долгом Соединенных Штатов становится участие-

¹⁸ Цит. по: *Gardner L.C., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Op. cit., p. 202.

¹⁹ Подробнее см.: *Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М., 1973.

вать во всем этом, стремясь к открытию и преобразованию Востока... Востоку суждено стать открытым и трансформированным, хотим мы этого или нет; стандарты Запада должны быть привнесены в него; нации и народы, которые пребывали в спячке столетия... станут частью универсального мира коммерции и идей... Наш особый долг... регулировать этот процесс в интересах свободы”²⁰.

Т. Рузвельт, возглавивший в 1901 г. после гибели президента У. Маккинли американское правительство, активно вступил в диалог с набиравшим внутри страны силу либерально-демократическим прогрессистским движением, предложив ему добавить к доктрине внутренних реформ внешнеполитический “социальный империализм”. Он был убежден, что социальный мир внутри США, стабильная внутривнутриполитическая демократия невозможно утвердить без использования внешнеполитического фактора, в первую очередь увеличивающихся прибылей на мировом рынке. Следовательно, внешнеполитическая экспансия являлась важнейшим механизмом решения внутренних проблем и составной частью прогрессистской социальной политики.

По меркам Прогрессивной эры это был просвещенный подход к синтезу внутренней и внешней политики. Рузвельт предстал в глазах сограждан просвещенным президентом. Реформатор Рузвельт в подходе к международным делам воспринял постулаты реальной политики, или, как тогда говорили, имея в виду самый известный, немецкий, ее вариант, *Realpolitik*. В отличие от современного понимания внешнеполитического реализма, делающего упор на соразмерение используемых на международной арене средств с возможностями страны и расстановкой сил на мировой арене, в этом варианте особый упор делался на важность и целесообразность силового фактора внешней политики нации. В контексте сложившейся тогда системы международных отношений Рузвельт считал “преступным” и “глупым”²¹ уповать на мораль и переговорные механизмы и доказывал, что движущими силами национальной внешней политики являются, если воспользоваться знаменитым высказыванием его известного русского современника, “армия и флот”. Рузвельт, как и его современник адмирал А. Мэхэн, подчеркивал главную роль флота и сделал всё для умножения его мощи.

От Англии Рузвельт заимствовал доктрину равновесия сил как идеальную модель организации международной системы. Созданию выгодного равновесия сил влиятельных игроков на мировой арене США и должны были способствовать. Эта установка объясняет многие внешнеполитические действия Рузвельта. Он считал опасным чрезмерное, на его взгляд, возвышение России на международной арене. По этой причине он поддерживал противника России во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Но, выступая арбитром (по просьбе обеих враждующих сторон) на русско-японских переговорах 1905 г. в американском Портсмуте, Рузвельт, опасаясь уже чрезмерного усиления Японии, сдерживал ее завышенные (в первую очередь о непомерной контрибуции) требования. Его целью было равновесие сил, соперничавших на Дальнем Востоке. За посредничество в конфликте России и Японии Рузвельт был удостоен Нобелевской премии мира.

С начала XX в. Рузвельт с нарастающей тревогой следил за военной мощью и экспансионизмом Германии. Его симпатии были на стороне европейских оппонентов германского империализма. С началом мировой войны он сокрушался по поводу приверженности американского народа нейтралитету и, расходясь в данном случае и с американскими избирателями и с занявшим президентское кресло Вильсоном, считал целесообразным незамедлительное вступление США в войну на стороне Антанты²².

Именно в годы Первой мировой войны внешнеполитические взгляды Рузвельта и Вильсона разошлись радикально. Вильсон сформулировал доктрину либерального интернационализма, а Рузвельт твердо придерживался *Realpolitik*. Но до того внешнеполитические разногласия между двумя политиками были далеко не столь серьезными.

²⁰ Цит. по: *Bacevich A.* Op. cit., p. 1.

²¹ Цит. по: *Blum J.M.* *The Republican Roosevelt.* Cambridge (Mass.), 1967, p. 137.

²² *Киссинджер Г.* Указ. соч., гл. 2.

Вильсон в большей мере, чем Рузвельт, подчеркивал роль морального фактора во внешней политике. Но, как и последний, решающее значение отводил “целесообразности”²³. На рубеже веков Вильсон, как и некоторые другие представители Демократической партии, выступал против аннексии Филиппин и приобретения колоний, но в 1903–1904 гг. причислил себя к “империалистам” и отказался от участия в Антиимпериалистической лиге²⁴.

Внешнеполитические цели Рузвельта и Вильсона не противоречили, а соответствовали мотивам прогрессистского движения и Прогрессивной эры. В прогрессистском движении были и антиимпериалисты, но не они выражали его генеральную линию. Последняя заключалась в нацеленности на экономическую и политическую экспансию с особым подчеркиванием важности и целесообразности распространения в мире американской демократии, отождествлявшейся с универсальной. Интеллектуалы и политические лидеры прогрессистского движения не стеснялись называть Америку “империей”, но неизменно с эпитетами “демократическая” и “прогрессивная”. Такая империя не могла быть создана ни одной европейской страной, ибо даже Англия не обладала образцовой демократической системой. Распространение демократии не исключало длительного политического и военного присутствия США в облагодетельствованных странах, ибо процесс обучения ее принципам и процедурам мог быть весьма длительным. Внешнеполитические цели прогрессизма при этом согласовывались с внутриполитическими целями, ибо в обоих случаях высшей целью объявлялись демократизация и цивилизованный порядок²⁵.

В то же время в прогрессистском движении, как и в США в целом, были налицо разногласия по поводу методов американского экспансионизма и мессианизма. Пик разногласий пришелся на 1898 г. и последующие два-три года. Корни разногласий уходили в предшествующие три десятилетия. Достаточно ощутимо эти разногласия проявились в спорах по поводу экспансии между Республиканской и Демократической партиями. Республиканская партия была главным глашатаем экспансионизма, именно она провозгласила необходимость активной борьбы за тихоокеанские, азиатские, латиноамериканские рынки, отстаивала программу большого флота, требовала аннексии опорных пунктов в Тихом океане и Карибском бассейне, в первую очередь Гавайских островов, Филиппин, Пуэрто-Рико, Самоа. Т.е. она, по сути, одобрила классический вариант имперской политики, включавшей приобретение колоний и прямое административное управление ими. Демократическая партия по этой причине критиковала ее за “империализм”, а себя империалистической не считала. Более того, Демократическая партия называла себя антиимпериалистической, поскольку отвергала захват Гавайев, Самоа, Филиппин. В 1890-е годы Демократическая фракция в Конгрессе США и президент-демократ Г. Кливленд несколько раз блокировали аннексию Гавайских островов, хотя американские бизнесмены-“ястребы” практически их уже захватили и чувствовали себя там полноправными хозяевами²⁶.

На поверку Демократическая партия была также экспансионистской, но ее мессианизм и экспансионизм означали оформление матрицы нового, неформального империализма, утверждающего гегемонию в мире без колониальных завоеваний и администра-

²³ Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М. – Тамбов, 2005, с. 22.

²⁴ Link A. Wilson: Road to the White House. Princeton, 1947, p. 27; Романов В.В. Указ. соч., с. 35.

²⁵ Rosenberg E.S. Spreading the American Dream: American Economic and Cultural Expansion, 1890–1945. New York, 1982, p. 7; Progressivism and the New Democracy, p. 226–227, 240–241; Ambrosius L.E. Wilsonianism: Woodrow Wilson and his Legacy in American Foreign Relations. 2002, p. 34–37; Dawley A. Changing the World. American Progressives in War and Revolution. Princeton and Oxford, 2003, p. 6–9, 30–33, 76–81.

²⁶ National Party Platforms. 1840–1972. Urbana, 1973, p. 66–67, 82, 94, 98–99, 108, 115, 123, 131.

тивно-правового господства в подконтрольных странах. Экспансионизм демократов не ослабевал, а укреплялся по той причине, что, конкурируя с республиканцами в борьбе за власть, партия не могла игнорировать мнение большинства избирателей, склонявшегося в пользу имперской политики в любом, даже в классическом колониальном варианте. В 1898 г., когда республиканская администрация США обнаружила твердое намерение реализовать колониальный вариант империализма на практике, русский посол в США докладывал в Петербург, что “добрая половина американцев не одобряет того пути, на который встало правительство”²⁷. То была ошибочная оценка. Большинство американских избирателей, общественное мнение, практически все массовые газеты поддерживали правительство. Другое дело, что в 1898 г. наблюдалась поляризация общественного мнения, противники имперской политики консолидировались, во многих городах были созданы антиимпериалистические лиги. Но их голос тонул в американском имперском хоре, а общее число антиимпериалистов не превышало 1 млн.

Американская колониальная империя была создана в течение пяти лет с 1898 по 1903 г. Попытки завоевать колонии предпринимались и раньше, но оказывались не слишком эффективными и половинчатыми. Но в 1898 г. час американской колониальной империи пробил. На Кубе в тот год достигла пика антиколониальная борьба против Испании. Это было не первое антиколониальное восстание на Кубе, и повстанцы неизменно обращались за помощью к северной республике. Но американский политический класс, руководствуясь концепцией “зрелого плода”, т.е. дожидаясь момента, когда испанская власть могла пасть наверняка, занимал пассивную позицию. В 1898 г. ситуация изменилась. Испанская империя была ослаблена до крайности, США укрепили свою военно-морскую мощь и могли, наконец-то, полностью вытеснить Испанию с американского континента. Идея помощи делу кубинской свободы, не в последнюю очередь благодаря усилиям прессы, особенно таблоидов, приобрела необычайно широкую поддержку среди населения Соединенных Штатов. На сторону экспансионистов перешли многие прежние “антиимпериалисты”, среди них лидер Демократической партии У. Дж. Брайан. Соединенные Штаты своими откровенно агрессивными попытками вмешаться в кубинский конфликт на стороне повстанцев вынудили Испанию 23 апреля 1898 г. объявить США войну.

США победили Испанию в течение полугода, принудив некогда могущественную европейскую монархию подписать в декабре 1898 г. в Париже мир, который означал крах испанской империи и создание из ее заморских владений, переданных США, новой, уже американской колониальной империи. Испания уступила США Пуэрто-Рико, Гуам и, что особенно важно, Филиппины. Кубе в соответствии с парижским миром была предоставлена независимость. Но США, исходя из своего традиционного аргумента, что “отсталую” или “младенческую” государственность необходимо длительно подготавливать к самостоятельному республиканско-демократическому правлению, убедили кубинское руководство в необходимости принятия американского протектората. Конгресс США не без дебатов в марте 1901 г. принял “поправку Платта”. Согласно ей внешняя и внутренняя политика Кубы до достижения там необходимой стабильности и в целях “поддержания правительства, соответствующего целям защиты жизни, собственности и индивидуальной свободы” передавались под контроль США²⁸. В будущем кубинская “модель” использовалась США для установления контроля над Панамой (1903), Доминиканской республикой (1905), Никарагуа (1916), Гаити (1916)²⁹.

Создав в короткий срок колониальную империю, США в дальнейшем новых колоний не приобретали. В сравнении с имперскими приобретениями европейских стран американские выглядели скромно. У. Лафайбер подвел такой краткий итог: “Между

²⁷ Цит. по: История США, т. 2. М., 1984, с. 237.

²⁸ U.S. Statutes at Large, v. 33, pt 2. Washington, 1905, p. 2248–2252. “Поправка Платта” сохранялась в кубинской Конституции вплоть до 1934 г. и была отменена только при президенте Ф.Д. Рузвельте.

²⁹ Rosenberg E.S. Op. cit., p. 47.

1870 и 1900 годами Великобритания добавила к своей империи 4,7 млн. квадратных миль, Франция – 3,5 млн., Германия – 1 млн. Американцы добавили только 125 тыс. квадратных миль”³⁰. Почему США удовлетворились этим? Ответ Лафибера: “Американцам нужны были не территории, а рынки”³¹, – представляется верным, но не исчерпывающим. Действительно, рынки были главной целью американской экспансии. Но отказ от дальнейшей борьбы за колониальные владения был также следствием трезвых расчетов занявшего в 1901 г. президентское кресло Т. Рузвельта, как и его окружения. США накопили достаточно сил для того, чтобы сокрушить Испанскую империю и отнять ее колонии. Но соперничать за передел мира с Великобританией, Францией и Германией им было не под силу. Кроме того, опыт колониального режима даже на небольшой территории требовало жертв, к которым американские избиратели не были готовы.

Соперничая с мощными европейскими конкурентами, США попытались противопоставить классическому колониальному имперскому варианту новый имперский вариант еще в конце XIX в. В 1899 г. он был изложен в ноте государственного секретаря Дж. Хэя правительствам Великобритании, Германии, Франции, России, Италии, а также Японии. В следующем, 1900 г., была направлена еще одна нота, а вместе они стали известны как “доктрина Хэя” и впоследствии стали чаще обозначаться как доктрина “открытых дверей”. В формуле “открытые двери” подчеркивался вневременной и стратегический характер доктрины. Хотя первоначально она касалась правил поведения великих держав на главном рынке Дальнего Востока, китайском, ее стратегический смысл был гораздо шире. США подразумевали, что “открытые двери” являлись цивилизованной формулой торгового соперничества на мировых рынках в целом. Корыстный мотив цивилизованного подхода заключался в том, что в режиме “открытых дверей” более конкурентоспособные американские корпорации имели немалые шансы вытеснить другие страны не только в Китае, но на всех рынках мира.

Когда США выступили со своей либеральной доктриной, китайский рынок уже был поделен между другими великими державами. США, по сути, предлагали отменить сложившиеся сферы влияния, предоставить всем странам равенство возможностей на рынках Китая. Позитивный ответ был получен только от Италии, не располагавшей своей “сферой влияния” в Китае, и более-менее позитивный от Великобритании, надеявшейся на свою конкурентоспособность. Другие страны ответили или отказом, или проигнорировали эту доктрину. Особенно жесткой была позиция России, давно и упорно добивавшейся и в значительной мере добившейся экономических и политических преимуществ в Северном Китае и Маньчжурии³².

С учетом соотношения сил на международной арене той эпохи доктрине “открытых дверей” была уготовлена участь по преимуществу стратегического замысла США, хотя Соединенные Штаты и приложили немалые усилия для ее практической реализации. Достаточно быстро обнаружился лицемерный характер американской приверженности “открытым дверям”. США, требуя для себя “открыть двери” на дальневосточные рынки, не спешили облегчать европейским странам доступ на собственный рынок, напротив, его условия всё более ужесточались. США объявили о готовности распространить принцип “открытых дверей” на Латинскую Америку, заявив при этом, что его гарантией в регионе является доктрина Монро. Но даже малоискусственным в мировой политике было очевидно, что доктрина Монро, особенно в новых интерпретациях, данных американскими государственными деятелями на рубеже веков, обслуживала и защищала интересы США.

Своеобразным развитием доктрины “открытых дверей” стала “дипломатия доллара”, взятая на вооружение в годы президентства У. Тафта (1909–1913). В отличие от своего предшественника Т. Рузвельта, Тафт слыл не прогрессистом, а консерватором, но в

³⁰ LaFever W. The American Age, p. 226.

³¹ Ibidem.

³² История внешней политики и дипломатии США, 1867–1918. М., 1997, с. 200.

своей внешней политике он, как следовало из его собственной оценки 1912 г., являлся либералом и “заменял пули долларами”. Тафт всячески стимулировал американские частные инвестиции и экспорт в зарубежные страны, в первую очередь в Китай и Латинскую Америку, а роль государства пытался ограничить экономической дипломатией, благоприятствующей устремлениям корпораций. В период его президентства американский экспорт в Китай вырос с 19 до 44 млн. долл. в год. Американские инвесторы и экспортеры активизировали организацию консорциумов с европейским капиталом. В Латинской Америке стал чаще использоваться совместный с местными правительствами и бизнесом арбитраж спорных вопросов. Тафт считал возможным заморозить наращивание военно-морского флота. Но по совокупности его стратегия, как ее оценил американский истеблишмент, имела больше негативных, нежели позитивных аспектов. Латиноамериканские страны, обнаружив ослабление американской “большой дубинки”, стали вести себя чересчур “вольно”, проявлять “непослушание” в отношении могущественного соседа. Тафту пришлось восстанавливать должный баланс между “долларами” и “пулями”³³.

Наибольший вклад в пестование силового компонента американской внешней политики внес Т. Рузвельт. В первую очередь это выразилось в новой интерпретации доктрины Монро, а особенно в практике взаимоотношений с латиноамериканскими странами. Первая отчетливая попытка возвысить роль США в латиноамериканском регионе при помощи доктрины Монро была предпринята государственным секретарем Р. Олни в 1895 г. США вмешались в затянувшийся спор между Великобританией и Венесуэлой по поводу границы между Британской Гвианой и Венесуэлой. Государственный секретарь Соединенных Штатов в ноте английскому правительству, нареченной впоследствии “доктриной Олни”, обосновывал право США быть арбитром на американском континенте с помощью фраз, отсутствовавших в самой доктрине Монро и придававших ей более агрессивный характер. “Сегодня Соединенные Штаты являются фактическим сувереном на данном континенте, и их решения – закон для всех, на кого распространяется наше влияние”, – утверждал он. Под эту формулу Олни подводил своего рода геополитический императив: “Неограниченные ресурсы [Соединенных Штатов] в сочетании с изолированным положением делают их хозяином положения [на американском континенте] и неуязвимыми для любой другой или даже всех других держав”³⁴. Великобритания согласилась на арбитраж США. Доктрина Олни была легализована в качестве дополнения к доктрине Монро.

Дополнение к доктрине Монро Т. Рузвельта, вошедшее в дипломатические анналы как *королларий*, было еще более жестким и предметным. Рузвельт начал использовать “большую дубинку” в политике США в Латинской Америке после вступления в 1901 г. в должность президента. В декабре 1904 г. в послании конгрессу США Рузвельт дал развернутое дополнение (королларий) к доктрине Монро. В нем утверждалось, что европейские державы при любых разногласиях и конфликтах с латиноамериканскими странами не имеют права прибегать к силовым методам. Функция “международной полицейской силы”, т.е. улаживания споров, прибегая к принуждению и силе, принадлежит США и только США. В целом же они берут на себя полную ответственность за развитие Латинской Америки по цивилизованному пути³⁵. Рузвельт наделял США правом не только препятствовать нежелательным действиям европейских стран в Латинской Америке, но и правом наказывать сами латиноамериканские страны за “неправильные” (“нецивилизованные”) действия как во внутренней, так и во внешней политике.

Это самопровозглашенное “право” стало основополагающим в отношениях США с Латинской Америкой³⁶. Важнейшим приоритетом было максимальное оттеснение евро-

³³ Gould L. The William Howard Taft Presidency. Lawrence (Kansas), 2009, p. 81–139.

³⁴ Цит. по: Bailey Th.A. A Diplomatic History of the American People. New York, 1958, p. 441.

³⁵ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, v. 1–20. Washington, 1903–1921, v. 16, p. 7051–7054.

³⁶ В период с 1898 по 1920 г. отмечено не менее 20 вооруженных вторжений США в латиноамериканские страны (LaFeber W. The American Age, p. 163).

пейцев от контроля над экономикой и политикой латиноамериканских стран и монополизация этого контроля в руках США. При этом в отношении Южной Америки Соединенные Штаты утверждали роль гегемона, а страны Центральной Америки (Карибского бассейна) пытались подчинить непосредственно, навязывая многим формы традиционного колониального правления, в первую очередь протекторат. Во всех случаях целью была политическая стабильность, обеспечивавшая сохранение и динамичное упрочение в регионе американских экономических позиций³⁷.

Внешняя политика в отношении стран Латинской Америки была дифференцированной, гибкой, меняющей во времени тактику и формы. Это обуславливалось необходимостью улаживания разногласий с европейскими соперниками, как и учетом независимого поведения некоторых из южных соседей. Из европейских стран легче всего было договариваться с Англией, уступавшей США первенство в Латинской Америке в связи с перенесением тяжести собственных колониальных интересов в Азию и Африку. Труднее всего было улаживать конфликты с Германией, молодой империей, стремившейся обеспечить свои интересы везде, где только возможно. Из латиноамериканских стран наибольшее сопротивление гегемонистским притязаниям США оказывали страны Южной Америки, в первую очередь Аргентина, Бразилия и Чили. Сопrotивлялись и страны Центральной Америки. Но в отношении них США использовали принцип “разделяй и властвуй”, раскалывая местные элиты и стимулируя своих сторонников использовать Соединенные Штаты как “империю по приглашению”³⁸.

Среди вызовов, брошенных США, наибольшую известность приобрел демарш аргентинского министра иностранных дел Л.М. Драго. В 1903 г. он отверг право США на роль “международного полицейского” (впрочем, как и на силовое вмешательство со стороны европейских стран) в регионе, объявив, что все конфликты стран Латинской Америки с другими державами должны передаваться в международный арбитражный суд в Гааге. В 1907 г. международная конференция в Гааге одобрила “доктрину Драго” в несколько модифицированном виде³⁹. Отрицание Аргентиной монополии США в деле “наведения порядка” в Латинской Америке имело только частичный успех, но тем не менее Соединенные Штаты должны были учитывать аргентинский “вызов” и разнообразить методы политического влияния в соседнем регионе.

Среди стран Центральной Америки наибольшее раздражение своей самостоятельностью доставлял никарагуанский диктатор Х.С. Селайн. В 1902 г. он создал и возглавил федерацию Центральноамериканских стран, призванную урегулировать региональные конфликты без вмешательства США. Им потребовались военные и дипломатические усилия, чтобы в полном объеме восстановить и упрочить свое господство в Центральной

³⁷ Из новейших исследований см.: *LaFeber W. Inevitable Revolution: The United States and Central America*. New York, 1984; *Collin R.H. Theodore Roosevelt, Culture, Diplomacy and Expansion: a New View of American Imperialism*. Baton Rouge, 1985; *idem. Theodore Roosevelt Caribbean: The Panama Canal, the Monroe Doctrine and the Latin American Context*. Baton Rouge, 1990; *Schoonoover T.D. The United States in Central America, 1860–1911: Episodes of Social Imperialism and Imperial Rivalry in the World System*. Durham (NC), 1991; *Pike F.B. The United States and Latin America: Myths and Stereotypes of Civilization and Nature*. Austin, 1992; *Randall S.J. Colombia and the United States: Hegemony and Interdependence*. Athens (GA), 1992.

³⁸ XX в. дал немало примеров того, как государства разных континентов добровольно воспринимали американские ценности, обращались к США за поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, как и в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, счел возможным назвать США “империей по приглашению”: *Lundestad G. “Empire by Invitation?” – The United States and the Western Europe, 1945–1952*. SHARF Newsletter, № 15, September 1984; *Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996*. М., 2002, с. 14 (это определение нашло понимание и широкое признание в научной литературе). В последнюю четверть века на наших глазах США оказывались “империей по приглашению” в целом ряде стран бывшего советского блока и даже бывшего СССР.

³⁹ *Bailey Th.A. Op. cit.*, p. 503.

Америке. Господство Соединенных Штатов в Центральной Америке подразумевало сочетание силового навязывания их интересов с “дарением демократии”. Классическим примером стало утверждение американской монополии на строительство и владение панамским каналом, достигнутой при помощи “дарения” жителям Панама права на независимость и государственность.

За строительство канала шло острое соперничество. К началу века США смогли опорить его у англичан и французов. Затем Конгресс США после жарких дебатов предпочел для строительства канала Колумбию. Колумбийская власть вступила в жесткий торг с американцами по поводу цены предложенной ей сделки. Тогда Рузвельт, назвав колумбийских правителей “бандитами”, санкционировал переговоры с повстанцами из небольшой колумбийской провинции Панама, добивавшихся отделения и независимости. Повстанцам были обещаны свобода и демократия, далее были посланы корабли и морская пехота, пресекшие попытки Колумбии расправиться с сепаратистами. 4 ноября 1903 г. панамские революционеры провозгласили свою провинцию независимой республикой, а США незамедлительно признали ее. Независимому республиканскому правительству Панама были вручены за право строительства Соединенными Штатами и владения каналом 10 млн. долл. (столько же было ранее обещано строптивому колумбийскому правительству). Канал многократно сократил торговый путь между атлантическим и тихоокеанским побережьем США и стал важнейшей опорой экономических связей Соединенных Штатов со всеми иными континентами. Рузвельт неоднократно называл панамскую операцию самым важным делом своей внешнеполитической деятельности и безусловным вкладом в распространение принципов либерализма и демократии.

В оттеснении европейцев от контроля над экономикой и политикой латиноамериканских стран и монополизации этого контроля в руках США особое значение имели венесуэльский кризис 1901–1902 гг. и доминиканский кризис 1904–1905 гг. Венесуэла, погрязшая в долгах перед странами Европы, получила ультиматум от Англии, Германии и Италии о незамедлительном погашении долгов. В противном случае три европейские страны угрожали силовыми санкциями. Рузвельт взял конфликт под свой контроль и заявил об исключительном праве США использовать в отношении “нецивилизованных” латиноамериканских стран полицейскую функцию. В 1904 г. ультиматум о погашении задолженности перед Германией, Францией и Италией был предъявлен Доминиканской республике. В Карибский бассейн были направлены военные корабли трех государств. В ответ на просьбу доминиканского президента США вступили в переговоры с европейскими странами и сняли военную угрозу. Также была разработана и применена на практике американская модель погашения латиноамериканских долгов. США взяли доминиканские таможни под свой полный контроль (а республику – под фактический протекторат) и стали перечислять доходы от них на погашение долгов (45% доходов отчислялись доминиканскому правительству). Долги Доминиканской республики были постепенно погашены. Доминиканская модель вызвала противоречивую реакцию как в самой латиноамериканской республике, так и в США. Многие критиковали ее как империалистическую. Но в конечном итоге ее одобрил и американский конгресс и целый ряд латиноамериканских стран. В отдельные годы финансовой политикой 11 из 20 стран Карибского бассейна руководили чиновники США⁴⁰. Эффективность модели для Соединенных Штатов была очевидна. Они навели относительный порядок в финансовых расчетах (пораженных коррупционными злоупотреблениями местных диктаторов и чиновников) латиноамериканских стран, упрочили там свои экономические интересы и политическое влияние.

Наиболее известным случаем прямого военного вмешательства Рузвельта в латиноамериканские страны явился ввод американских войск на Кубу в 1906 г. Но военно-политическая операция на Кубу, осуществленная во второй президентский срок Рузвельта,

⁴⁰ Медина М. Соединенные Штаты и Латинская Америка, XIX в. М., 1974, с. 14; История внешней политики и дипломатии США, с. 172.

оказалась всё же для этого периода исключением. Во второй срок президентства (1905–1909) Т. Рузвельт в своей внешней политике сделал акцент на арбитраже. Изменения во внешней политике в значительной мере символизировались фигурой нового государственного секретаря Э. Рута. Рут стал государственным секретарем США в 1905 г. Он сделал упор на переговорный и арбитражный процесс, практически исключив в отношениях с латиноамериканскими странами силовые действия. Уже в 1905 г. под его влиянием Т. Рузвельт сделал принципиальные заявления, свидетельствовавшие об обновлении внешнеполитической тактики. Президент заверил, что королларий доктрины Монро к стабильным режимам, в первую очередь к главным южноамериканским странам Аргентине, Бразилии и Чили, применяться не будет. Другое заявление гласило, что никаких новых территориальных притязаний у США на американском континенте нет. Стратегическая цель США была неизменной – экономическая и политическая стабильность. Но достигаться она должна мирными средствами.

Рут приложил усилия для реализации этого курса. Резко улучшились отношения с Бразилией, которой было внушено, что доктрина Монро направлена исключительно на защиту латиноамериканских стран от силовых акций со стороны Европы, “укрепление американской солидарности”, а отнюдь не легализацию особых прав США на континенте. Рут дважды отговорил Рузвельта от военных акций в отношении Венесуэлы и в конечном итоге добился мирного разрешения острого конфликта⁴¹. В 1906–1907 гг. Рут при посредничестве президента Мексики сумел погасить острейший конфликт между Никарагуа, Сальвадором и Гватемалой. В 1907 г. по его инициативе был создан Центральноамериканский международный суд для улаживания всевозможных конфликтов. Рузвельт неоднократно давал высокие оценки стратегии “всеобщей мира и дружбы” Рута, а в 1912 г. тот был удостоен Нобелевской премии мира за успехи в деле арбитража и просвещенных политических действий в Латинской Америке.

На других региональных направлениях Рузвельт придерживался мотива, высказанного еще в 1899 г.: вести себя как “великая держава”. Но методы соразмерялись им с принципами реализма. В борьбу европейцев за “перedel мира” на африканском континенте, Ближнем и Среднем Востоке, Балканах Рузвельт и американский политический класс не вмешивались и позволяли себе страстные филиппики по поводу “безнравственного” колониализма в этих районах Англии, Франции, Германии, России. В дальневосточной политике США избрали основным методом борьбы за свои интересы принцип *баланса сил*. Великим европейским державам они пытались противодействовать при помощи опоры на молодую и, как и они сами, “обделенную” на китайском рынке японскую империю. Моделируя полезный для США баланс сил на Дальнем Востоке, прагматичный американский президент полагал целесообразным лобовое столкновение и военное “взаимоистребление”⁴² “партнера” Японии и русского “медведя”-соперника. Но когда в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг. Япония стала одерживать одну победу за другой, а особенно после того, как в России началась демократическая революция, отношение Рузвельта к их конфликту стало меняться. Рузвельт негодовал по поводу неспособности Николая II идти на необходимые уступки русскому обществу, давал ему как государственному деятелю уничижительные характеристики и одновременно склонялся к идее международного арбитража для прекращения войны.

Когда в августе 1905 г. в американский Портсмут прибыли японская и русская делегации, арбитр Рузвельт начал подготавливать такой мир, который в приемлемой степени унизил бы Россию, не предоставил бы Японии чрезмерных преимуществ и создал между двумя державами “равновесие сил”, выгодное США. Условиями мира японцы (особенно рядовые), рассчитывавшие на гораздо большее, были недовольны, а в России, полагавшей, что ее унизили и поставили на колени, они и вовсе вызвали широкое возмущение.

⁴¹ Носков В.В. Институты власти и внешняя политика США. 1900–1913. СПб., 1992, с. 196–198, 200–206.

⁴² Цит. по: История внешней политики и дипломатии США, с. 261.

Отношения с Японией оставались для Рузвельта приоритетом до конца президентства. Выстраивая “равновесие сил” между Россией и Японией, он стремился именно при поддержке последней “открывать двери” для американского бизнеса в Китай и Восточную Азию. Идея “открыть двери” своей собственной силой (таковая была еще явно в дефиците) или полагаясь на “добрую волю” великих европейских держав, была по сути признана иллюзией. По соглашению США и Японии в 1908 г. страны обязались сохранять status quo в тихоокеанском регионе, уважать территориальные владения друг друга в этом регионе, придерживаться принципа “открытых дверей” в Китае.

Выстраивая европейскую политику, американская дипломатия действовала изощренно и прагматично, предпринимая не раз неожиданные ходы, но вместе с тем придерживаясь некоторых основополагающих для США принципов. Особенно неукоснительно она следовала принципу, высказанному Дж. Вашингтоном – “никаких обязывающих союзов”. В приверженности ему американский политический класс был единодушен.

Принципиальная перемена отношений США с Англией и Германией на рубеже веков в значительной мере определялась изменениями в международном статусе и политике этих европейских держав. Англия утрачивала позицию “мировой мастерской”, т.е. ведущей индустриальной державы, и стремилась компенсировать потери расширением колониальных владений. При этом она сосредоточивалась на упрочении колониальных позиций в Азии и Африке и имперского влияния на Балканах. В этих регионах ее главным соперником всё более становилась Германия. В то же время значение Латинской Америки, где прежде интересы Англии неизменно сталкивались с интересами США, для Лондона снижалось. Новая германская империя, “опоздавшая” к колониальному дележу на три столетия, стремилась навязать себя везде где возможно, а часто где невозможно. В том числе в Латинской Америке и на Филиппинах, из которых другая молодая империя, США, “выбила” дряхлую Испанию. Для Соединенных Штатов это было неприемлемо.

Основные позиции в отношении США к Германии были сформулированы в нескольких доверительных письмах Т. Рузвельта американским единомышленникам на рубеже веков. Германия для США “из всех наций Европы” – главная опасность и враг, – такова его суть⁴³. С Англией в этот период произошло “великое сближение”, как традиционно обозначают его многие историки. Англо-американская дружба подкреплялась конкретными договоренностями. В 1900 г. Англия отказалась от прежних претензий на участие в строительстве и контроле над межконтинентальным каналом. В следующем году англичане пошли на новую уступку, согласившись на право США установить свой единоличный военный контроль над будущим каналом. В 1903 г. был урегулирован давний спор по поводу границы между США и Канадой на Аляске. Но принципа Дж. Вашингтона – никаких обязывающих союзов во взаимоотношениях с европейскими державами – США не нарушали.

Соединенные Штаты объективно были заинтересованы в миропорядке, свободном от крупных войн, включающем механизмы урегулирования локальных конфликтов. Такой миропорядок создавал благоприятные условия проникновения их передовой экономики на рынки самых разных регионов мира. Государственные деятели США играли активную роль в “клубе” великих держав, когда тот поддерживал механизмы международного урегулирования. Для США излюбленным механизмом стал международный арбитраж, укоренившийся с конца XIX в. Арбитраж также стал и неотъемлемой частью внешнеполитического кредо американской либерально-демократической общественности в Прогрессивную эру.

Первой международным форумом, призванным создать механизмы предотвращения крупномасштабных войн и урегулирования конфликтов между странами явилась конференция в Гааге в 1899 г., созванная по инициативе русского царя Николая II. Гаагская конференция 1899 г. приняла решения, соответствовавшие подходам США. Был создан

⁴³ The Letters of Theodore Roosevelt, v. 1–8. Cambridge (Mass.). 1951–1954, v. 1, p. 636, 695, 768–169; v. 2, p. 1052, 1130; v. 3, p. 15.

постоянный Международный арбитражный суд, местопребыванием которого стала Гаага. В него должны были поступать дела о двусторонних и многосторонних конфликтах, грозивших перерасти в вооруженные. В Латинской Америке США, руководствуясь доктриной Монро, предпочитали заниматься арбитражем без постороннего вмешательства. В других регионах арбитраж вводился часто по решению Гаагского суда.

Иногда конфликтующие стороны сами обращались с просьбой рассудить их к великой державе. Так случилось в 1905 г., когда к США с просьбой об арбитраже в конфликте с Россией обратилась Япония. Россия предпочитала в качестве арбитра Францию, но у той самой резко обострились отношения с Германией. Россия согласилась на арбитраж Соединенных Штатов. В том же 1905 г. важным объектом арбитража с активным участием США стал конфликт между крупными европейскими державами – Германией и Францией. Арбитражная конференция была проведена в испанском Алхесирасе в начале 1906 г. Рузвельт, снабдивший американскую делегацию инструкциями, провел в высшей степени искусную дипломатическую игру. Он не хотел испортить и не испортил отношений ни с Германией, ни с Францией. Формально конференция завершилась компромиссом, который включал принцип “открытых дверей” в торговле. Франция и Англия, добившиеся необходимых целей не без поддержки Рузвельта, поблагодарили и поздравили его, но и Германия выразила ему признательность⁴⁴.

Во время второй Гаагской международной конференции, проведенной летом – осенью 1907 г., США, как и прежде, сделали упор на арбитраж, как основное средство решения спорных вопросов между государствами. Рузвельт, осуществивший накануне конференции мощную идеологическую кампанию, поставил перед американскими дипломатами цель поддержания равновесия сил в Европе. США, симпатизировавшие Антанте и продолжавшие видеть главную угрозу для себя и мира в Германии, прилагали усилия для сохранения благоприятного для них стабильного миропорядка. Это поддерживалось американской общественностью.

Идея международного арбитража как средства предотвращения перерастания межгосударственных конфликтов в войну достигла наибольшего влияния после избрания в 1912 г. президентом США В. Вильсона. Назначенный им госсекретарем США У. Дж. Брайан разработал программу двусторонних “охладительных договоров”. Идея заключалась в том, что договаривавшиеся стороны брали обязательство в случае возникновения конфликта обратиться в международную комиссию и ждать ее решения, не наращивая вооружений в течение “охладительного периода” и только после этого решать вопрос о начале военных действий. В 1913–1914 гг. было подписано 30 договоров с разными странами, из них 22 ратифицированы и вошли в силу. “Охладительные” договоры были подписаны с Англией и Францией. С Германией соглашения достигнуто не было⁴⁵. Именно эта страна нанесла сокрушительный удар по американской стратегии международного арбитража.

Сложное сочетание “идеализма” и “реализма” во внешней политике Вильсона наиболее полно проявилась после вступления США в Первую мировую войну. Но и до того Вильсон не пренебрегал ни тем, ни другим. Принципы президентской внешней политики были провозглашены Вильсоном в 1913 г. сразу после инаугурации. Внешне они носили идеалистический характер и определялись многими публицистами и историками как “морально-миссионерская дипломатия”. В ее основе, утверждал Вильсон, должны лежать не материальные интересы, а мораль. Подчеркивая первостепенное значение для США латиноамериканской политики, Вильсон указывал, что добросовестное соблюдение принципов морали возможно в отношениях с теми латиноамериканскими правительствами, которые получают власть в результате свободных выборов, поддер-

⁴⁴ *Hunnigan R.E.* The New World Power. American Foreign Policy, 1898–1917. Philadelphia, 2002, p. 202–206.

⁴⁵ История внешней политики и дипломатии США, с. 249.

живают республиканскую конституцию, признают иностранные долги, ведут себя цивилизованно как внутри страны, так и на международной арене⁴⁶.

Вильсон сразу же попытался подкрепить декларации делами. В мае 1913 г. начались переговоры с Колумбией с целью урегулирования конфликта, вызванного отделением от нее Панамы с благословения Т. Рузвельта. Через год был подписан договор, в котором США выражали “искреннее сожаление” по поводу событий 1903 г. и обещали выплатить Колумбии за причиненный ущерб 25 млн. долл. Взбешенный Рузвельт назвал договор “преступлением против Соединенных Штатов, покушением на американскую честь”⁴⁷.

Другим известным примером “морально-миссионерской дипломатии” и одновременно ее глубокой противоречивости явилась политика в Мексике. Эта страна пребывала в состоянии перманентного политического хаоса. В 1911 г. после отставки престарелого президента – диктатора П. Диаса – его место занял один из руководителей мятежников. США признали новое правительство. Но оно стало ограничивать интересы иностранных нефтяных компаний, и США выступили на стороне следующей мятежной оппозиции. В феврале 1913 г. ее лидер генерал В. Уэрта занял президентское кресло. В. Вильсон, сменивший Тафта на посту президента США, отказал в дипломатическом признании Уэрте на том основании, что тот оказался во главе Мексики незаконно. Вильсон настаивал на проведении в Мексике демократических выборов. На возражения оппонентов о том, что 80% мексиканцев не имеют малейшего понятия о демократии, он отвечал, что его цель как раз и состояла в приобщении к ней этих 80%. В ответ на попытки американского нефтяного бизнеса урезонить президента он отвечал, что представляет интересы не корпораций, а народа США.

Вильсон начал оказывать поддержку лидеру мексиканской конституционной оппозиции В. Карранса. В апреле 1914 г., после того как агенты Уэрты арестовали американских моряков, высадившихся в чрезвычайной ситуации в запретной прибрежной зоне Мексики, Вильсон испросил у конгресса права послать в Мексику воинское соединение. Местом интервенции был выбран порт Веракрус, где, как доложила Вильсону разведка, должна была осуществиться поставка германским кораблем вооружения Уэрте. Во время операции по захвату Веракруса погибло 19 американцев и 300 мексиканцев. В августе 1914 г. поддерживаемый Вильсоном Карранса сместил Уэрту. Но и Карранса не оправдал надежд Вильсона на утверждение конституционного правления, и тогда президент США стал использовать в отношении враждующих мексиканских лидеров принцип “разделяй и властвуй”. В конце 1915 г., когда радикальный популист Панчо Вилья совершил набег на американский штат Нью-Мексико, в результате которого было убито 17 американцев, Вильсон в целях защиты “достоинства и прав” американцев направил в Мексику 6-тысячное военное соединение. Морально-миссионерская политика Вильсона, преследовавшая цель обучить мексиканцев демократии, завершилась открытой американской интервенцией в соседнюю страну. Задачей минимум было “наказать” Панчо Вилью, а задачей-максимум – устранить и Каррансу. Ни той, ни другой решить не удалось. В 1917 г. армия США была выведена с территории Мексики.

Придя к власти, Вильсон обещал не повторять интервенций на Кубу. Но в 1917 г. в интересах “защиты демократии” это обещание было нарушено. До вступления США в Первую мировую войну Вильсон также совершал интервенции в Гаити и Доминиканскую республику⁴⁸. Целью являлось их принуждение к выплате долгов, прекращение “президентской чехарды”, утверждение политической стабильности, благоприятст-

⁴⁶ The Papers of Woodrow Wilson, v. 1–69. Princeton. 1966–1994, v. 27, p. 172; v. 28, p. 448–452.

⁴⁷ Одобрение договора затянулось в американском сенате до 1921 г. В окончательном варианте из него был исключен пункт об “искреннем сожалении” (Романов В.В. Указ. соч., с. 54–55).

⁴⁸ Фактический протекторат над Гаити существовал до 1934 г., а над Доминиканской республикой до 1924 г.

вовавшей в первую очередь экономическим интересам американских инвесторов и корпораций.

Подводя итоги латиноамериканской политики Вильсона, один из наиболее авторитетных современных американских исследователей его внешней политики, писал: «Исповедуя концепцию многостороннего панамериканизма, Вильсон совершал односторонние интервенции в Латинскую Америку. Он вторгся в большее количество стран, нежели кто-либо из его предшественников в Белом доме. Осудив “долларовую дипломатию”, он вместе с тем в полной мере защитил экономические и торговые интересы США в регионе. Он также признавал стратегическое значение Карибских островов и жизненно важного Панамского канала... Его истинной целью был контроль над регионом, а не демократия или цивилизованный порядок»⁴⁹.

Начавшаяся 1 августа 1914 г. Первая мировая война повлекла, хотя и не сразу, серьезные изменения во внешнеполитической стратегии США. Вильсон, который, вступая в президентскую должность, ставил целью сосредоточиться на внутрисполитических реформах, по воле истории вошел в нее в первую очередь как творец новой внешней политики США. По поводу нее американские историки спорят до сих пор. Достижение консенсуса вряд ли возможно, поскольку Вильсона традиционно считают “отцом-основателем” внешнеполитического *идеализма*, а историки разделяются на “реалистов” (по определению критиков идеализма) и “идеалистов” (по определению сторонников Вильсона).

Среди авторитетов “школы реализма” – Дж. Кеннан, Р. Осгут, Г. Киссинджер⁵⁰. Суть их критической концепции состоит в том, что “идеалист” Вильсон не соразмерял выдвинутую им программу либерально-демократического миропорядка с возможностями США, расколом мира на противоборствующие государства, и она была обречена остаться некрасивой утопией. Оппоненты “реалистов” доказывали, что в высоких “идеальных” мотивах Вильсона ничего утопического не было⁵¹. Позитивная интерпретация внешней политики Вильсона получила новый импульс после окончания в начале 1990-х годов “холодной войны”. Крах социализма и СССР, утверждение США на позиции единственной сверхдержавы вызвали “идеалистическую” эйфорию среди американских политиков, политологов, историков. На Вильсона взглянули по-новому: разве не он заложил основы стратегии, приведшей к либерально-демократическому (по-американски) завершению истории⁵²?

После начала первой мировой войны США заявили о своем нейтралитете. Он продолжался до апреля 1917 г., когда США вступили в войну на стороне Антанты. Эта дата, казалось бы, разделяет два этапа в политике Соединенных Штатов по отношению к мировому конфликту. Но фактически позиция страны стала меняться качественно с конца 1916 г. после победы Вильсона на вторых президентских выборах, когда он освободился от предвыборных обещаний и стал “разворачивать” нацию в сторону военно-политического союза с Антантой.

На первом этапе Вильсон уповал на традиционную для США роль арбитра внешнеполитических конфликтов, демонстрируя веру в возможность собрать антагонистов за столом переговоров и достичь “мира без победителя”. В США главным оппонентом Вильсона выступал Т. Рузвельт, считавший, что страна должна, исходя из стратегических расчетов, выступить на стороне Антанты, вооружаться и наносить ущерб германскому агрессору.

⁴⁹ *Ambrosius L.E.* Op. cit., p. 38.

⁵⁰ *Kennan G.* American Diplomacy, 1900–1950. Chicago, 1951; *Osgood R.* Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953; *Киссинджер Г.* Указ. соч.

⁵¹ *Buerling E.* Woodrow Wilson and the Balance of Power. Bloomington, 1953; *Link A.* The Higher Realism of Woodrow Wilson. Nashville (Tenn.), 1971.

⁵² *Moynihan D.P.* On the Law of Nations. Cambridge (Mass.), 1990; *Knock T.J.* The End of All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for New World Order. New York, 1992; *Ninkovich F.* The Wilsonian Century. New York, 1999; *Reconsidering Woodrow Wilson. Progressivism, Internationalism, War and Peace.* Baltimore – Washington, 2008.

Кто занимал реалистическую позицию в этом споре: Рузвельт, приверженец “баланса сил” и Realpolitik, или Вильсон, которого европейские державы считали безнадежным и опасным утопистом? Приведу аргументы, свидетельствующие, что Вильсон трезво осмысливал как национальный интерес США, так и их истинные возможности. Большинство американцев твердо выступало за нейтралитет, дальнейшее неучастие в каких-либо союзах и невмешательство в распри европейских сверхдержав. Проигноировав мнение большинства в демократической стране, Вильсон не имел никаких шансов удержаться у власти. Игнорировать его Вильсон не стал и осенью 1916 г. успешно переизбрался на второй срок. Его избиратели отблагодарили президента прежде всего за то, что тот “удержал нас от войны”. При этом Вильсон доказывал, что обе воюющие стороны отстаивают несправедливые империалистические цели, которые должны быть осуждены. Вставать на ту или иную сторону противоречило сути американской демократии.

Вместе с тем с самого начала войны американские финансовые и промышленные корпорации, действуя по принципу “ничего личного, только бизнес”, стали помогать обеим воюющим сторонам, извлекая из этого всё большие прибыли. В результате война способствовала дальнейшему подъему американской экономики. Соединенные Штаты также превратились из должника Европы в ее, да и всего мира главного кредитора. Не только их промышленность, но также и финансы прочно утвердились на ведущей позиции в мире. Экономические и стратегические соображения склоняли американский бизнес к гораздо более тесному сотрудничеству со странами Антанты. В 1914–1916 гг. экспорт США в страны Антанты вырос в 4 раза, а в Германию и Австро-Венгрию сократился в 150 раз. В 1916 г. экспорт в страны Антанты составил 3,2 млрд. долл., а в Германию и Австро-Венгрию 1,1 млн. долл.⁵³

Уже на том этапе Вильсон высказывал мысль о более активном воздействии США на мировую политику. В июле 1916 г. он сформулировал нечто наподобие закономерности: “Тот, кто финансирует мир, должен... управлять им”⁵⁴. Еще раньше, в мае 1916 г., в принципиально важном выступлении перед американской “Лигой принуждения к миру” Вильсон, впервые заявив о приверженности идее коллективного руководства послевоенным миропорядком, выдвинул три принципиальные идеи нового внешнеполитического мышления. Во-первых, каждый народ имеет право на самоопределение. Во-вторых, малые страны имеют право на политическое равенство с крупными. В-третьих, мир имеет право использовать средства, необходимые для предотвращения агрессии⁵⁵. Размышляя о принципах нового миропорядка, Вильсон явно имел в виду принципы американской Декларации независимости и Конституции. Т.е. это должен был быть Pax Americana. Только американские идеалы, положенные в его основу, могли стать гарантией вечного мира и дружбы народов и держав. США не могли не стать его гегемоном. Если принять определение империи, высказанное мною в начале статьи, то можно заключить, что Вильсон вынашивал идею американской империи. В отличие от всех прежних, она должна быть *демократической*. Другие страны, считал Вильсон, примут подобный миропорядок добровольно. Эта логика не отличалась оригинальностью. Ведь так рассуждали еще на заре американской демократии Т. Пейн, Т. Джефферсон и Б. Франклин. Но их “империя разума” по-американски была всё же красивой мечтой, а в действительности США могли вдохновлять “отставшие” народы только своим примером. Времена изменились. Вильсон захотел сотворить “империю разума” собственными руками.

Добившись в ноябре 1916 г. переизбрания в президенты, В. Вильсон стал пытаться более энергично воплощать в жизнь свои сокровенные идеи. Выступив 22 января 1917 г. в сенате США, он изложил американские условия мира, заключавшие радикальную перестройку мировой политики, дипломатии, отношений между странами, доктрин войны и мира. Вильсон решительно отверг классическую доктрину “равновесия

⁵³ Bailey Th.A. Op. cit., p. 570.

⁵⁴ The Papers of Woodrow Wilson, v. 38, p. 145.

⁵⁵ Ibid., v. 37, p. 113–116.

сил” как основы грядущего миропорядка. Этой системе “организованной вражды” он противопоставил систему “упорядоченного всеобщего мира”. Его основой мог стать только “мир без победы”, без аннексий и контрибуций. Его руководителем должна стать Лига Наций, взявшая на вооружение, помимо демократии и либерализма, право наций на самоопределение, а также... доктрину Монро. Ее сутью, согласно его логике, был запрет на образование новых колоний в Новом Свете, а теперь этот запрет должен распространиться на весь мир. Вильсон провозглашал и хотел утвердить “Американизм для всего мира”⁵⁶.

Обе воюющие в Европе стороны были поражены подобными условиями мира. В их секретных документах был зафиксирован “перedel мира” и дележ добычи победителями. Они сражались и приносили жертвы отнюдь не ради “мира без победы”, без аннексий и контрибуций. Германия, решив показать, “кто есть кто” в этой войне, объявила с 1 февраля 1917 г. неограниченную подводную войну всем, включая нейтралов. 3 февраля США разорвали дипломатические отношения с Германией. 2 апреля в конгрессе США Вильсон заявил, что германская империя навязала войну “правительству и народу Соединенных Штатов”. Ответ должен быть адекватным – вступление в войну с Германией. Задача не исчерпывалась победой над Германией. Это была война против “автократии”, и ее целью являлось “спасение мира для демократии”⁵⁷. Среди всех стран Антанты, не говоря уже об ее противниках, США оказались единственной страной, провозгласившей подобную цель вступления в войну. К удаче Вильсона за несколько недель до его военного послания конгрессу в России свершилась Февральская революция. Вильсон с энтузиазмом заявил, что Россия перестала быть автократией, став “демократией по зову сердца”⁵⁸. Теперь Антанту в целом можно было характеризовать как защитницу демократии. 6 апреля 1917 г. конгресс США одобрил решение президента о вступлении страны в войну.

Для Вильсона огромное значение в 1917–1918 гг. сохраняла дипломатия, направленная на утверждение США в качестве главного стратега нового мироустройства. Но пришедшие к власти в России В.И. Ленин и партия большевиков попытались взять инициативу переустройства мира в свои руки и вступили в бескомпромиссное противоборство с либерализмом и капитализмом. В ноябре 1917 г. Ленин обнародовал программу мира, которая, в отличие от вильсоновской, стала без промедления воплощаться в жизнь. Были обнародованы секретные планы стран Антанты, свидетелем бывавшие об их антидемократических планах колониальных переделов и захватов. Народам Российской империи гарантировалось право на самоопределение. Вильсоновским планам послевоенного мироустройства теперь противостояли не только консервативные союзники из Англии и Франции, но и революционер Ленин с его идеей мировой коммунистической революции, вызвавшей энтузиазм среди части как европейских, так и неевропейских левых партий и народных низов.

Ленин был признан (но не сразу⁵⁹) наибольшим злом. Идеологически Вильсон попытался нейтрализовать его при помощи “14 пунктов”, оглашенных в конгрессе США 8 января 1918 г. Концептуально они не отличались от прежней вильсоновской программы мира, но были более конкретны, в первую очередь в отношении европейских стран. Соединенные Штаты, которые, в соответствии с классическим вариантом доктрины Монро, придерживались позиции невмешательства в дела Старого Света, теперь претендовали на определение будущего самого взрывоопасного, с точки зрения

⁵⁶ Ibid., v. 40, p. 535–536.

⁵⁷ Ibid., v. 41, p. 523–524.

⁵⁸ Цит. по: *Ambrosius L.E.* Op. cit., p. 42.

⁵⁹ Некоторое время Вильсон “держал паузу”, поскольку ленинские идеи о праве народов на самоопределение, мире без аннексий и контрибуций, открытой дипломатии перекликались с его собственными. Разгон большевиками 5 января 1918 г. Учредительного собрания, заключение в марте сепаратного мира с Германией, приверженность идее мировой коммунистической революции убедили Вильсона в необходимости борьбы с большевизмом.

либеральной демократии, европейского континента. “14 пунктов” объявляли решительное “нет” любому империализму и колониализму, провозглашали свободу морей и равенство доступа всех на мировой рынок. Этим миропорядком должна была руководить Лига Наций. Большинство конкретных пунктов касались обустройства послевоенной Европы. Всем европейским государствам, в том числе и колониям – как побежденных стран, так и стран-победительниц, – должна была гарантироваться государственная независимость⁶⁰.

Борьба с большевистской альтернативой еще не достигла пика, когда настало время политических баталий с Англией и Францией из-за условий мира с поверженной Германией и ее союзниками. Страны-победительницы приступили к подведению итогов войны в январе 1919 г. в Париже. Прибывший на конференцию В. Вильсон рассматривал свою страну как внесшую решающий вклад в победу, а себя – как главного миротворца, имевшего право определять стратегию и решения форума. Конференция в Париже, согласно замыслу Вильсона, призвана была утвердить победу американской либеральной демократии над левым радикализмом и консерватизмом⁶¹.

Руководители Англии и Франции с претензиями и стратегическими планами Вильсона были категорически не согласны. Они не приняли вильсоновской программы “мира без победы”, без аннексий и контрибуций, как и притязаний США на гегемонию в послевоенном мире. Англия и Франция имели основания полагать, что их вклад в победу, жертвы на полях сражений, страдания их народов были гораздо большими, чем у США, и именно им должно принадлежать решающее слово на Парижской конференции. США имели более сильные экономику и финансы, но две главные страны Антанты обладали преимуществом как в сухопутных (обе), так и в военно-морских (Англия) силах. В соответствии с принципами *Realpolitik*, которыми руководствовались их лидеры, именно они должны были определить принципы нового миропорядка и системы международных отношений. Выработанная в течение года в Париже Версальская система международных отношений, отвечала в первую очередь их замыслам.

Самый чувствительный удар Вильсон получил в ходе дискуссий вокруг Лиги Наций. Идея Лиги Наций была для американского президента излюбленной. Именно в ней он видел точку опоры, с помощью которой надеялся перевернуть систему международных отношений, избавиться от ее прежнего порочного принципа равновесия сил, заменить его коллективной ответственностью мирового сообщества за сохранение мира и интересов всех и каждого (при этом лидерство США в Лиге считалось само собой разумеющимся). В момент образования Лиги Наций в ней был более 40 государств, а в конце ее существования их насчитывалось более 60. Но в обоих случаях среди них не было США, главного инициатора Лиги. Вступление США в Лигу отказался поддержать американский сенат, согласие которого было необходимо в соответствии с Конституцией Соединенных Штатов. Решение сената стало для Вильсона тяжелейшим ударом, явившимся, по мнению многих, причиной его тяжелейшего инсульта в сентябре 1919 г.⁶²

Историки изучили многие причины отказа политического истеблишмента США вступить в Лигу. Среди противников этого были разные течения. Они сплотились на почве изоляционизма и приверженности упомянутому завету Дж. Вашингтона – “никаких обязательств союзам”. Но лейтмотивом для главных оппонентов Вильсона – лидеров Республиканской партии во главе с сенатором Г. К. Лоджем служила *Realpolitik*. Они были, в отличие от Вильсона, убеждены, что у США нет достаточных военно-политических ресурсов, чтобы играть главную роль в Лиге. Соединенным Штатам, по их убеждению, требовалось сохранить “свободу рук”, чтобы должным образом проводить свои интересы на мировой арене.

Дискуссии Вильсона с оппонентами из Республиканской партии в наибольшей степени раскрывают “идеалистическую” сторону его внешнеполитической стратегии.

⁶⁰ The Papers of Woodrow Wilson, v. 45, p. 536–538.

⁶¹ Ibid., v. 53, p. 366; v. 62, p. 343, 342, 392; Романов В.В. Указ. соч., с. 168–171.

⁶² Вильсон так и не смог оправиться от инсульта, скончался в 1924 г. в возрасте 67 лет.

Трудно отрицать, что он переоценивал возможности США в деле управления мировой системой внешней политики при помощи коллективного органа, в котором задавали тон главные победители Германии – Великобритания и Франция.

Суммируя внешнеполитические новации “зрелого” В. Вильсона, их можно свести к следующим: 1) создание новой системы международных отношений, в которой все конфликты разрешаются посредством коллективного мнения и коллективного мирового органа; 2) признание американских либерально-демократических ценностей универсальными, реализуемыми в любой точке земного шара; 3) признание за США роли морально-этического мессии и негласного поводыря мирового сообщества; 4) признание права наций на самоопределение с условием законного, соответствующего либерально-демократическим канонам формирования их государственности; 5) закрепление доктрины “открытых дверей” в качестве основополагающей в мировых экономических отношениях.

Какой может быть историческая оценка этой внешнеполитической стратегии, традиционно именуемой в США “идеалистической” и противопоставляемой второй основополагающей стратегии – “реалистической”? В 1919–1920 гг. она была отклонена в самих США, где верх на 20 лет взяли “реалисты”-изоляционисты. Но последующее историческое развитие всё более закрепляло господствующую позицию за вильсоном, обращая так или иначе в его сторонников даже формальных оппонентов. Г. Киссинджер, один из наиболее видных представителей реалистической (но уже не изоляционистской) школы, признавал в конце XX в.: “В течение трех поколений критики Вильсона яростно нападали на его анализ и выводы, и всё равно в то же самое время вильсоновские принципы оставались прочнейшим фундаментом американского внешнеполитического мышления”⁶³. По заключению историка-“реалиста” Л. Амбросиуса, Вильсон “сформулировал доминирующую идеологию для Соединенных Штатов на период так называемого Американского Века”⁶⁴. Историк-ревизионист Н. Левин был с ними солидарен, указывая, что “даже потерпев поражение по вопросу о Лиге Наций, Вильсон в конечном итоге одержал триумфальную победу в долгосрочной битве за формирование природы внешней политики США XX столетия”⁶⁵.

Вступая в дискуссию об историческом месте вильсономства, отмечу, что между “идеализмом” и “реализмом” при всех их отличиях, непреодолимых различий не было и нет, но есть важное принципиальное сходство. Принципиальное сходство – это убеждение в морально-этическом превосходстве Америки и ее предназначении быть во всех отношениях мировым лидером и поводырем мирового универсума, по сути американской либеральной империи. А различия лежат в сфере способов воплощения в жизнь этих идей на практике. В эпоху Вильсона США не располагали военно-политическими ресурсами для того, чтобы возглавить и направлять мировое сообщество через посредство мирового коллективного органа и негласного признания ведущими нациями их лидерства. Это послужило причиной отклонения американскими “реалистами” его внешнеполитической стратегии. Но уже через два десятилетия стопроцентный вильсоновец, “идеалист” и одновременно “реалист” Ф.Д. Рузвельт, реанимировав и модернизовав его стратегию, стал последовательно воплощать ее в жизнь.

В период “холодной войны” вильсоновская стратегия служила путеводной нитью как президентам – демократам, так и республиканцам. То же можно сказать и о периоде после окончания “холодной войны”. В то же время между республиканскими и демократическими политиками 1940–2010-х годов были различия. Республиканцы, восприняв идею Вильсона об отказе от изоляционизма, морально-этическом лидерстве США в мировом сообществе, их праве и обязанности распространять демократию в мире, не считали себя связанными международным правом и коллективными, в первую

⁶³ Киссинджер Г. Указ. соч., с. 41.

⁶⁴ Ambrosius L.E. Op. cit., p. 2.

⁶⁵ Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics: American Response to War and Revolution. New York, 1968, p. 260.

очередь исходящими от ООН решениями. Это проявилось во внешней политике Р. Рейгана, а наиболее ярко – Дж. Буша-младшего. Известный политолог Ф. Фукуяма, оказавшийся в начале в лагере сторонников Буша, а потом от них отошедший, отверг претензии неоконсерваторов быть вильсонянцами: “Эту неорейгановскую внешнюю политику часто называют вильсоновской, но на самом деле она представляет собой вильсонянство за вычетом международных институтов”. Сам Фукуяма отстаивал концепцию “реалистического вильсонянства”, которая признает роль международных институтов, как и способность тех или иных стран к восприятию и усвоению либеральной демократии без американского принуждения⁶⁶. К подобной концепции оказалась близка внешняя политика нынешней американской администрации во главе с Б. Обамой.

Есть основание заключить, что вильсонянство явилось первым законченным чертежом, а впоследствии стало плотью и кровью американской либеральной империи. Оно выступило исторической альтернативой ленинскому коммунистическому интернационализму, но также и классическому колониальному империализму.

⁶⁶ Фукуяма Ф. Америка на распутье. Демократия, власть и неоконсервативное наследие. М., 2008, с. 63, 24–25.